

ГАЗДАНОВ ОБ АДАМОВИЧЕ

Среди вольных каменщиков XX столетия есть имена, которые в последнее время все чаще называют в числе лучших литераторов уходящего столетия. История общения этих писателей еще не написана. В 1950-е – начале 1970-х гг. ведущий литературный критик русского зарубежья Г.В. Адамович и один из наиболее значительных российских писателей Г.И. Газданов были активными членами парижских масонских лож. Они соответственно входили в ложи Юпитер и Северная Звезда, принадлежащие к разным масонским союзам, что, однако, не мешало личному общению двух литераторов. Помещенная ниже публикация, возможно, будет интересна не только литературоведам, но и вольным каменщикам, поскольку раскрывает вкусы и интересы масонов прошлого, поэтому я предлагаю данный материал к размещению на сайте Великой Ложы России.

Взаимоотношения Гайто Газданова с другими писателями русского зарубежья еще недостаточно хорошо изучены. Известно о поддержке Газданова И.А. Буниным, М.А. Осоргиным, многочисленные благожелательные отзывы различных критиков о прозе Газданова, однако вне внимания историков литературы остался тот факт, что, начиная с публикации «Вечера у Клэр», одним из наиболее внимательных читателей Газданова был Г.В. Адамович. Последний не оставлял без внимания ни одного сочинения Газданова, а, например, на романы «Полет» и «Ночные дороги» отзывы поступили лишь от одного Адамовича.

О личных взаимоотношениях двух писателей в статье «Памяти Газданова» рассказал сам Г.В. Адамович. В частности, он писал: «Сблизился и подружился я с Газдановым сравнительно недавно, а в последние годы телефонировал он мне чуть ли не ежедневно, беседовали мы подолгу, по крайней мере, до тех пор, пока он жил, как и я в Париже. Именно в те годы я оценил его быстрый, своеобразный ум, его острое чутье и даже его природную доброжелательность, ускользнувшую от моего понимания, - или от моего внимания, - прежде. В довоенный период эмиграции что-то меня от Георгия Ивановича отдаляло, сближению мешало. Держался он вызывающе, в особенности на публичных собраниях, в то время в Париже очень многочисленных. Никаких авторитетов не признавал. Ни с чьими суждениями, кроме своих собственных не считался <...> Повторяю, дружба и сближение возникли много позже, и только тогда, много позже, я понял, сколько было в Газданове хорошего, верного именно в дружественности, сколько в нем было истинно человеческого <...> Мы говорили о литературе, постоянно касались Льва Толстого, перед которым он глубоко преклонялся <...> Почти также высоко ставил он Достоевского, однако, все же с оговорками <...>

Главным образом вспоминаю, однако, самый тон наших разговоров, так сказать – обо всем и ни о чем, о повседневных мелочах жизни, о том, из чего на протяжении лет складывается общее наше существование <...>» (Русская мысль. 1971. 30 декабря. № 2875. С.10).

Таким образом, век «телефона» сыграл свою роль и о большинстве идей, догадок, мнений, которые высказывались в беседах двух талантливых писателей мы не узнаем никогда. Однако архивы сохранили

для нас «отрывки-отголоски» бесед Гайто Газданова и Георгия Адамовича. В личном архиве Г.В. Адамовича (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 754. К. 5. Ед.хр.7) сохранился автограф письма Газданова к ведущему парижскому критику. К этому посланию приложены три страницы, отпечатанные на ротапринте, содержащие запись вступительного слова Газданова (под псевдонимом Георгий Черкасов) к серии передач на радио «Свобода», в которых читались отрывки из книги Г.В. Адамовича «Комментарии». Данное вступительное слово, судя по пометам, датируется 18-20 октября 1967 года.

В публикации максимально точно воспроизведены пунктуация и орфография самого Газданова.

28/IX/67. Мюнхен.

Дорогой Георгий Викторович, помните, по телефону я Вам сказал, что собираюсь написать письмо по поводу Вашей книги «Комментарии». И вот теперь, когда я сел за стол и начал это письмо, я почувствовал, что взял на себя задачу если не непосильную, то чрезвычайно трудную. Потому что об этой книге нужно было бы писать много и подробно: и если бы я это сделал, то получилось бы, наверное, утомительно и вряд ли интересно. Но все-таки, несколько слов мне бы хотелось написать.

Разрешите, прежде всего, выразить сомнение по поводу одного места Комментариев, именно того, где речь идет о рассказе Анатоля Франса о Понтии Пилате, который забыл о существовании Христа. В Вашем изложении получается, что это – результат старческого бессилия Пилата и ослабевшей от возраста памяти. Насколько я помню, у Франса это не так: Понтий Пилат отвечает своему старому другу, который говорит, что самая замечательная женщина, которую он знал, была рыжая красавица – еврейка, которая потом увлеклась учением молодого проповедника, Иисуса из Назарета. – Ты помнишь? Иисус из Назарета? – Иисус из Назарета? – спрашивает Пилат. – Нет, не помню. Не потому, что его ослабевшая память неспособна больше сделать необходимое усилие, а оттого, что Иисус из Назарета и все, что с ним связано, это незначительный эпизод и больше ничего.

Но это конечно мелочь, не имеющая особенного значения. Что касается книги в целом, то для меня, как и для других ее читателей она была приятным сюрпризом – и вот почему. Я не думал, что соединение в одно целое отдельных заметок и статей может оказаться гармоническим и создать впечатление книги, написанной сразу, от начала до конца. Но именно так вышло и нет ни отрывочности, ни случайности подбора, все следует одно за другим, так, точно именно в этом порядке все было задумано и осуществлено. Другое достоинство книги в том, что по поводу ее содержания каждому, я думаю, читателю хочется что-то возразить или выразить свое мнение по поводу тех «проблем», которые в ней ставятся. В частности то, что сказано о Достоевском. Мне кажется, что суждение о Достоевском довольно редко бывает внушено чисто объективными соображениями, если хотите, рациональными или литературными, это, прежде всего, вопрос эмоционального восприятия. Это конечно можно сказать о многих авторах, но о Достоевском больше, чем о ком бы то ни было. Дело быть может даже не в проблемах, а в той

иступленной страстности, с которой Достоевский к ним подходит. Страхов когда-то писал, что Достоевский это смесь Федора Павловича Карамазова со Свидригайловым. Если к этому прибавить Смердякова, то портрет получится еще полнее, я думаю. Все это не мешает тому, что Достоевский – один из немногих гениев в литературе и что он понял то, что не поняли и увидели другие. Но для меня лично он как-то органически неприемлем, – с этой постоянной истерикой, с этой фальшью, с этим невыносимым «не тебе кланяюсь, страданию человеческому кланяюсь!», с этим позорным «Дневником писателя». Нет, это конечно не отечественный Пинкертон – и в одной пятке Достоевского больше ума и понимания, чем во всех произведениях Набокова, вместе взятых и не автор, «который совал Христа во все свои бульварные романы». Есть в Достоевском что-то непоправимо плебейское – одновременно с необыкновенными взлетами. А самое лучшее у него, мне кажется, это «Мертвый дом». Но спорить о Достоевском, это потеря времени и никого тут ни в чем убедить нельзя. Думаю, однако, – то, о чем было упомянуто в этом телефонном разговоре, – что «Смерть Ивана Ильича» страшнее и глубже, чем весь Достоевский. Но это конечно «une opinion personnelle», на котором нельзя настаивать.

Когда я читал в Вашей книге те места, где речь идет о религии, я не мог не подумать о том, что опасность религиозного мышления заключается в том, что оно замкнуто в самом себе, не признает возможности существования нескольких параллельных истин и законности другого видения мира. Религиозная философия это какой-то «нонсенс» – о какой философии, то есть свободном искании истины может быть речь, если истина известна раз навсегда. Даже такой умный человек, как Вячеслав Иванов писал, если Вы помните, в «Переписке из двух углов» – «я знаю, что Бог хочет,...» и т.д. Чаадаев, – единственный русский философ, – Вы помните до чего он договорился? до того, что только в том случае, если все проникнется церковным духом, все проблемы, гражданские и государственные, будут автоматически разрешены. Религия, мне кажется, не терпит ни размышлений, ни философствования и органически противоположна свободе. Тысячу раз предпочитаю Платона.

Замечаю с грустью, что все это очень мало похоже на классический «отзыв» о Вашей книге. Но это соображения, которые возникают при ее чтении. У меня лично давно этого не было. В этом, повторяю, мне кажется, одно из главных достоинств Комментариев, это то, что на книгу «реагируешь» – не могу подобрать другого слова, менее неуклюжего.

В частности о поэзии. Тема, конечно, трудная. В поэтическом «новаторстве», так сказать ремесленном, есть всегда что-то провинциальное, какое-то наивное убеждение в том, что длина строки или перерыв ритма могут иметь какую-то самостоятельную ценность и спасти плохое стихотворение. «Вот, господин профессор изволят говорить...» – помните нашего бедного Гингера? – что, дескать, стилистическая безошибочность «молодого поэта» Чиннова ... и т.д. Все это хорошо, но зачем мне эта стилистическая безошибочность, если все стихи Чиннова отличаются непоправимой и тревожной незначительностью? Помните слова Чехова? «Они только

притворяются декадентами, а в самом деле они здоровые мужики». Пастернак, по-моему, при всем его таланте, никак не может справиться со своим словесным потоком и, кроме того, в некоторых случаях, его русский язык вызывает, мягко говоря, сомнения – когда Христос, например, говорит апостолам:

- Вы ж разлеглись как пласт –

или

- Петя дал мечом отпор головорезам – что может быть большим доказательством дурного вкуса? – и рядом с эти «Никого не будет в доме». Дурной вкус, это еще Цветаева, Бог с ней совсем. Да, конечно, Пушкин, Лермонтов, Блок, Баратынский, Тютчев, Мандельштам. Научиться писать стихи нельзя – то, что не знает по-видимому Чиннов. Объяснить поэзию тоже нельзя, и никакие рациональные критерии к ней, я думаю, неприменимы. Приходится вернуться к тривиальности: поэтом стать нельзя, можно родиться поэтом. Звучит это не очень убедительно и высокопарно – «родиться поэтом». Но что делать, как сказать иначе? Проза неизмеримо ниже и по поводу прозы можно привести любые объяснения, почему это хорошо или что в этом замечательного. В поэзии это невозможно. Вы пишете о невозможности поэзии и все это хорошо, со всем этим можно было бы согласиться, если бы не возникало одно сомнение: можно ли путем логического и рационального анализа объяснить то, что находится *par definition* вне логики, и вне рациональных соображений? И тому, кто не слышит по настоящему этих строк – «для берегов отчизны дальней...» – как можно объяснить, что это одно из лучших стихотворений в русской поэзии? Почему? – Как на это можно ответить? Как Вы знаете лучше меня, таких примеров можно привести много.

Боюсь, что ввел Вас – невольно, - в заблуждение, обещав Вас написать о Вашей книге. Ничего похожего на «рецензию», как видите, не получается, но я вообще сомневаюсь, что бы об этой книге можно было написать «рецензию». Разве что если речь идет о Терапиано или каком-нибудь Аронсоне или Глебе Струве, - те могли бы вероятно.

Теперь, если позволите, еще одно замечание. «Комментарии» прочтет, я надеюсь, известное количество людей, но, сколько из них эту книгу поймут? Я лично знаю трех-четыре человек, которые могут ее прочесть с пользой для себя. А остальные? Тут конечно обвинять автора нельзя. Но уверяю Вас, ни Евтушенко, ни Вознесенский, ни Ахмадулина просто не поймут о чем тут речь, не говоря уж о ссылках на Паскаля, Монтэня, на Alain'a. Я не хочу сказать, что ее надо было бы писать иначе, Боже сохрани. Но российская культура сейчас находится в плачевном состоянии, в частности советская ее часть. И это очень печально. Для нее «комментарии» – это роскошь, которая ей не по средствам.

Теперь о другом. Ризер собирается «Комментарии» использовать для передач – во-первых, дать из них длинные отрывки, во вторых устроить о них нечто вроде беседы за круглым столом. Для отрывков нужно конечно Ваше разрешение, за которое Вам должна быть уплачена известная сумма. Но это пока что только проект и

окончательного решения еще нет. Во всяком случае, как только оно будет принято, Вы об этом будете поставлены в известность.

Была у меня Одоевцева, пришлось заказать ей текст об Анненском. Живет она где-то около Штаренбергского озера и лечится неизвестно от чего, как она говорит «превентивно».

Ждем от Вас новостей о Ваших трудах.

Желаю Вам здоровья, бодрости и всего самого лучшего.

Ваш Г. Газданов.

Г. Газданов. О нашей работе №2

ВЕДУЩИЙ: У микрофона – Георгий Черкасов.....

ЧЕКАСОВ: Уважаемые слушатели, в нашей программе, которая называется «Перед занавесом», мы передавали в течение последних недель воспоминания Ивана Алексеевича Бунина о его современниках – Алексее Толстом, Горьком, и других писателях и поэтах.

Сочинения Бунина, как известно, издаются в Советском Союзе, но со значительными сокращениями и вырезками. Но его «Воспоминания» по-прежнему остаются под запретом. Именно поэтому мы хотели ознакомить с ними советских слушателей. Я лично знал Бунина – и помню его высказывания, которые нередко отличались резкостью и казались спорными. Такое впечатление создается у тех, кто читал его «Воспоминания». Но надо сказать, что в действительности и, как говорится, в глубине души, Бунин гораздо мягче относился к тем, о ком он писал. У него был необыкновенный изобразительный дар – и он иногда им увлекался, и получалось, что его описания оказывались слишком карикатурными, и тот или иной его современник был представлен чуть ли не как последний глупец. Надо сказать, что к проявлениям человеческой глупости Бунин действительно относился нетерпимо. Но, во всяком случае, было это написано талантливо и с тем литературным мастерством, которое у Бунина так ценил Горький, и равного которому в русской литературе последних десятилетий просто не было. Кроме того, Бунин не любил легенд, которые, например, создавались вокруг Алексея Толстого или Маяковского – и разрушал их беспощадно.

На следующей неделе в программе «Перед занавесом» будет еще одна передача, посвященная воспоминаниям Бунина. После этого в новой серии передач будет книга Георгия Викторовича Адамовича, которая называется «Комментарии». Об этой книге и ее авторе мне хотелось бы сказать несколько слов.

Георгий Адамович – поэт и литературный критик. Как поэт он современник Гумилева, Мандельштама, Георгия Иванова, Блока, Ахматовой, которых он близко и хорошо знал. Всю свою зарубежную жизнь он провел в Париже, где и живет в настоящее время. Он один из лучших знатоков русской поэзии и литературы и человек европейской культуры – в том смысле, в каком к европейской культуре принадлежали все лучшие русские писатели девятнадцатого и начала двадцатого века. Его книгу «Комментарии» следует признать одной из замечательных книг в этом виде литературного искусства, том, которое определяется французским словом «Essai». Это не критика в буквальном смысле слова и не литературное исследование, и это совершенно непохоже на так называемые литературоведческие труды, которых так много выходит в Советском Союзе и за границей, и, читая которые, невольно вспоминаешь жестокие

слова Толстого: «Критики, это глупые, которые пишут об умных». «Комментарии» Адамовича, это рассуждения о судьбе религии, о Достоевском и Толстом, о вечных темах, о русской и европейской литературе. Что следует подчеркнуть, это то, что Адамович, будучи человеком блестящей культуры, непогрешимого литературного вкуса и той свободы взглядов и идей, проявления которой в условиях советской цензуры оказались бы невозможными, - Адамович пишет обо всем, что его интересует, так, как это может позволить себе только человек с острым аналитическим умом и редкой в наше время литературной эрудицией, не стесненной никакими ограничениями и канонами. Как известно, история русской литературы – как она преподается в Советском Союзе и как она преподавалась в царское время – грешит самыми грубыми ошибками – Гоголь – основатель натуралистической школы, Белинский – великий критик, и так далее – вплоть до злополучного социалистического реализма. История русской литературы в представлении Адамовича, это нечто совершенно другое, и я думаю, что по сравнению с тем, что пишется о литературе в Советском Союзе – она открывает новые горизонты – говорю это не боясь впасть в преувеличение.